

с. 1

Театральные заметки.

«Вся жизнь» — «Задняя» — «Трильби».

... разстройств. Этим одиночеством души страдала Анна Викторовна Демуринна; стечение обстоятельств было таково, что ей давно уже пришлось замкнуться в себя и отшельничать, занимаясь самоанализом. То же одиночество души, без сомненья, играло важную роль в происхождении «жизневраждебного протозеркала» техника Морского, любовь которого к Демуринной была неразделенной. Супруги Демуринны, хоть и постоянно, познали одиночество души своей Анны Викторовны, познали, что она напрасно оставила свою жену без сердечного отношения равного к равному, отчего и произошла вся история, рассказанная в драме г. Немировича-Данченко. Одиной душой Морской, не найдший выхода из одиночества, покончил с жизнью; одиою душой Анна Викторовна, встряхнув сочувственное понимание со стороны мужа, осталась жить.

На то же одиночество души, в сущности, жалуются и декаденты Трелевы в «Чайке» г. Чехова. Но декаденты — такой психически-растрепанный народ, что им никак невозможно найти сочувственное понимание со стороны другой души и выйти из одиночества. Это — люди окончательно порвавшие с общей гармонией человеческих интересов и настроений; они являются непримиримым диссонансом и страдают от него прежде всего сами. Они неизвестно чего хотят, неизвестно о чем думать и совершенно непонятно говорят. Нервнопсихическая машина развилась и громыхает по жизненному пути как-то уж очень зря. Трелевы устами героини своей часто-декадентской драмы восклицают: «холодно, холодно, холодно», или: «пусто, пусто, пусто», — и в этих восклицаниях естественно остаются непонятным, одиноким. Одиночество было даже бытующего сердца и большой душа, переселившейся за тридевять земель от реальной жизни в тридцатое государство мистицизма! В этой неизмеримо-далекой области некому сочувствовать и нечего понимать, по той простой причине, что там действительно «пусто, пусто и пусто».

Драма г. Немировича-Данченко очень талантливая вещь в литературном и сценическом отношении. Комедия г. Чехова — талантливое беллетристическое произведение, плохо приспособленное к сцене. Первая смотрится с возрастающим интересом, вторая порядочно скучна. Первую лучше смотреть, чем читать; вторую следует читать и вовсе не смотреть. Но, повторим, оба в литературном отношении заслуживают полного внимания, как произведения двух талантливых писателей и написанные талантливо. В том и другом дана современная действительность и, если хотите, ее новейших тупиц и явлений, весьма любопытных. Не говоря уже о молодом человеке Трелеве, в котором впервые воплощены характерные черты недавно народившегося декадентства, другая лица, действующая в комедии г. Чехова, также представляющую за общество последних дней (*). В «Цвета жизни» действуют тоже живые нынешние люди. Полуобразованный фабрикант Демурин, в противоположность своим предкам, выведенным в пьесах Островского, строит свою семью на принципах взаимного уважения и, художественно, оказывается подготовленным к гуманному обращению даже тогда, когда человеческий эгоизм задает очень сильно. Это несомненно новое явление в нашей жизни, правдиво описанное автором драмы. Пессимист Морской с его характерным письмом, Анна Викторовна, образованная супруга купца, директор фабрики, угнетенный совестью, ученый Солончаков, ищущий денег для журнала, — все это герои нашего времени. Часто-современное явление изображено и в передышке из романа «Трильби» — Нильс музыкант Свенгали, играющий роль Бертрама из оперы Мейербергера или даже прямо Мефистефа, с помощью гипнотической силы овладевает бедной натурщицей Трильби, делает из нее знаменитую пвицу и достигает славы. Секрет, однако, в один скверный для

Свенгали день разоблачается, и слава, важная нечистым способом, улетает безвозвратно: загипнотизированная Трильби вдруг просыпается на концертной эстраде, удивляется окружающей обстановке и, как не получившая никакого музыкального образования, оказывается не в силах издать ни одного музыкального звука. Преступление разоблачено, но бедная девушка, целые годы подвергавшаяся гипнотическому воздействию, погибла. — Это уж совсем наш знаменитый fin de siècle. Случаев преступного обращения с гипнотизмом зарегистрировано много и, кажется, прежде всего во Франции, в Париже, где и происходило действие романа Докюре и его русский переделчик.

Передышка очень удачна и несомненно сдвигается репертуарной пьесой. За это говорить как сюжет, так и развитие его. Несмотря на пять актов, зритель все время с напряженным вниманием следит за ходом пьесы, которая и с внешней стороны построена оригинально. В 4-м действии на глазах зрительного зала происходит нечто совсем необычное. В одну из лож, в качестве слушателей концерта Свенгали, сели гг. Кашираев, Агарев и Гарин, за дирижерскую палочку взялся артист г. Яковлев, игравший друга Свенгали, первую скрипку взял г. Степанов. Оркестр заиграл под управлением г. Яковлева. Вышла пятая Трильби (г-жа Инсарова), но очулась от гипноза и не могла даже начать. Слушатели, конечно, недовольны концертом, и воглаз разных мест саратовского театра, неожиданно для подлинной нубии, раздались шумные возгласы: «Долой Свенгали». Это артисты из труппы Вородая, исполнявшие роль концертной нубии по пьесе. Эффект вышел совершенно оригинальный.

Из всех трех пьес лучше всего разыграна «Цвета жизни». К. С.

*) В свое время в «Литературных очерках» мы дали о «Чайке» подробный отзыв.

Саратовский
По суд-но,
Ср. Саратов. муз.
17216.